

An impressionistic painting of a Venetian canal. The scene is viewed from a low angle, looking down the length of the canal. The water is a mix of dark blues, greys, and whites, with visible brushstrokes suggesting movement and reflection. Several gondolas are scattered throughout the canal, some with figures inside. The buildings lining the canal are rendered in warm, earthy tones of ochre, brown, and beige, with some windows and architectural details visible. The sky is a pale, hazy blue with soft, white clouds. The overall style is characteristic of the Impressionist movement, emphasizing light and color over fine detail.

*Саша
Немировский*

На втором круге

Саша Немировский

На втором круге

Воспоминания о Сказке

На втором круге

Манифест Джаз-Поэзии

Короткие произведения разных лет /2012-2013/

Обложка **Алла Виксне**

Иллюстрации **Павел Тайбер**.

Sasha Nemirovsky

On a repeating circle

Memories of a Fairy Tale

On a Repeating Circle

Manifesto of Jazz-poetry

/poems 2012-2014/

Cover by **Alla Viksne**

Illustrations by **Pavel Tayber**

ISBN 978-1-4675-9894-1

Library of Congress Control Number: 2014931624

© Woodside Publishing, Sasha Nemirovsky
USA, California, Woodside, 2014

Вместо предисловия.

Когда спирали жизни начинают проецироваться сами на себя, то оказывается, что на каждом из витков есть свои общие, похожие части. В большинстве случаев, можно выделить сказочно-романтическую часть, буднично-жизненную, немного философскую и отношения с ремеслом – будь то работа или творчество - неважно.

Поэтому в этой книге получилось три части.

Настоящая сказка не сочиняется с нуля. Она проживается, забывается, вспоминается и потом записывается. Стихи, вошедшие в мою сказку, лучше читать в последовательности, как они напечатаны, хотя и в «розницу» тоже годится.

Но если в последовательности, то тогда можно заметить эмоциональные переходы между отдельными стихами или их внутреннюю связь.

Да, пожалуйста, не надо путать автора с его лирическим героем.

После сказки всегда наступает временная пустота. Один из способов с ней бороться - это пройти самого себя по второму кругу. Тогда, разогнавшись, можно проскочить и на следующий, который вдруг и окажется уходящим витком спирали.

К манифесту «Джаз-Поэзии» добавлю, что обычно я не занимаюсь теорией литературы ни в каком виде. Но тут меня пробило. Просто неоднократно я столкнулся с тем, что многие литераторы в русском языке подобное просто не воспринимают, хотя они же будут аплодировать и восхищаться такой же формой в английском. Поскольку каждый «пишет, как он дышит», то мне показалось необходимым самому разобраться и разложить по элементам «правила дыхания», по которым я пишу уже вот почти полвека как.

Искренне Ваш, автор.

Воспоминания о Сказке

∞

А, в общем-то ничего и не было, кроме любви.
Созвездия потускнели – что до, что после.
Размерности времени и пустоты, извини,
Равны.
Что подтверждает возврат во взрослость.
Изменить
Уже ничего невозможно.
Мы пьём осадок, и он горчит.
Непреложны
Только дома и стены,
Где мы бывали.
Но вселенная
Больше уже не поёт. Молчит.
Видимо мы её разорвали.

Я в своем одеяле зимую, а ты в своем.
Главное - не отморозить конечности.
А чем быть вдвоем –
Проще поодиночке,
При суете, возрастающей к бесконечности,
Осваивать оставшийся нам объем,
В пределе сходящийся к пустой точке.

1

Я сегодня опять гулял по облаку
С тобой.
Рука об руку.
А внизу прибой
Пеной истоиво,
Нам опасный мотив насвистывал.
И вставало солнце над морем белым.
И душа светилась. Чуть-чуть. Несмело.
Но кричали что-то о печали чайки.
Кружась под ногами,
Как чаинки в чае.

Никуда уж не деться.
Воспарив, удержаться.
Но щемит сердце -
Только бы не снижаться.

2 .

И мы будем с умным видом говорить пустые слова.
И мы будем при этом думать одно и то же.
Наш собственный необитаемый остров,
На котором растет дурман-трава.
И которой мы пропитаны сквозь кожу.

Но по нас прозвонит набат оглушающих строк.
И мы станем с тобою молчать на одном языке.
И назначим по-взрослому сами тюремный срок,
Замерши друг у друга в черновике.
И к руке
Не касаясь рукой,
Равновесье держа.
Оставаясь в чертогах правдивых, семейных дел
Мы поймем, что молчанье не стоило ни гроша.
Что оно расплескалась за собственный свой предел.

И пойдет волна по воде ночи
От тебя ко мне и опять назад.
Черновик прочти
И молчи, молчи.
Я услышал, что ты хочешь сказать.

3.

Я подслушаю мотив о счастье и смерти.
Соло флейты на бумаге для ручки.
Запишу всё на кофейном конверте*,
За отсутствием чего-то получше.

К грустной музыке погон не приштопать
И других наклеек тоже не надо.
Распрями же свои плечи, ну что ты!
Вот он, слушатель с последнего ряда.

Ты в глаза ему гляди, как бы в фокус.
А теперь играй, забудь его возраст!
Ты прости меня за мой этот опус -
Ведь для флейты сочинять, ох, непросто.

Не симфонию, хоть песенку выкрасть.
Лишь бы с глаз вот этих слезы просохли.
То про счастье говорят слово «выпасть».
А при смерти ничего - только вздохи.

Пусть плывет мотив из пальцев по залу,
Да по улицам, да крышам машин.
Пусть расскажет всё, что ты не сказала
О обо всём, что мы ещё совершим.

---

* Кофейный конверт – кольцо из толстого картона, одевается на одноразовый стаканчик кофе, чтобы не обжечься.

4 .

У меня оторвали часть меня.
Заперли, и не дают встречаться,
Тикают мимо кусочки дня.
И дела не хотят получаться.
Прячутся
По углам позывные твоей души.
И я шарахаюсь, на них натываясь.
И першит
От бессонницы горло. И ворошит
Память боль о тебе. Я стараюсь
Изо всех сил.
Переключаю мысли, меняю темы.
Размах расстояния невыносим.
Где мы
Застыли в нём? Что вдруг случилось с нами?
И кто, как не ряди,
Чьё продолженье?
Вот только время уже населено следами
Нашего преступления,
Которое еще впереди.

5.

Ни к чему и пытаться
Делить этот мир на две части.
Мои руки кончаются
Там где твои пальцы
Их держат. Мы давно во власти
Потока. Несемся
К его концу.
Но ничуть не страшно.
Я уверен – спасёмся,
Губами припав к лицу.
А всё, что было не важно
Утонет само по себе.
Наша упряжка
Преодолеет груды вещей
Принадлежавших когда-то нам другим,
Жившим в той же избе.
Вообще,
Все встанет на свои места
И продолжится как обычно.
Но я молю только, чтобы урок,
Стоивший тебе моего креста,
Не померкнул перед твоим будничным.
Чтобы когда волосы потеряют рыжину,
А накал опять перейдет в серость.
И заполнит наступившую тишину -
Всё, что до этого нам приелось.
Тогда пусть я этого не переживу.

Казнь

Хорошо-ли секирой молчанья
Рубить по-живому с размаху?
С разворота. С оттяжкой. Плечами
Направив удар?
Сатанея от страха,
А может быть от отчаяния,
Что никак не умрёт это чудо, пришедшее в дар?

Вот теперь наши руки по-локти!
И чем это лучше, родная, чем если б
Оставить в живых? Нашей плоти
Не слиться в объятьях. Счастливые песни,
Увы, не про нас. Лишь надломленный стих,
Как осенние листья,
Шуршит перекатом в ночи.
Из всех пожеланий простых
Одна лишь надежда – прочти!
Хоть и нет в этом смысла.

Джазовое адажио

А когда-нибудь мы остановимся.
И накроем время салфеткой.
И я возьму твои руки в свои обе.
И поцелую твои глаза.
Сначала левый а потом правый.
Ветер запутается в твоём платье. Смоковница
Распластает над нами ветки,
Защищая от солнца. И глобус
Покатится из под ног назад.
А потом нас укроют первобытные травы.
Переломится и распадется,
Сгнившая давно твоя клетка.
А главы
Недописанного романа сдует в прошлое,
Где было ничего нельзя.

И ты мне расскажешь про себя всё-всё.
И не станет в нашей истории тёмных пятен.
И мы поднимемся и пойдём
И узнаём, что ещё не истёк
Наш срок.
А значит, конец дороги пока ещё не понятен.
А значит, можно жить и держаться друг-друга.
И пускай суета нас, как щепки,
То сводит а то разводит.
Мы когда-нибудь опять остановимся
И уже без испуга
Снова выдернем из розетки
Время. И не важно,
Что за окном бушует по нас осень.

7.

Ты мне просто вот так надиктована Богом.
Как мое завершение. Мне уже от тебя не уйти.
Не венцом и не в церкви, мы с тобой сочетались слогом.
Ты подумаешь слово. И слово ко мне долетит.
Кто простит?
Кто осудит? Мы связаны, сломаны, смяты.
Как подбитые птицы.
Нам осталось упасть.
И банально разбиться.
И это конечно, расплата
За всё, что мы раньше с тобою успели украсть.

Вновь бессонный встречаю рассвет и грущу.
Неужели надежда
Не придет навестить? Не разглядит рукою чело?
Ведь прошло столько лет!
Я наверно прощу.
Только прежде,
Я спрошу у тебя. А за что?

Не глядишь. И слова виноваты.
Я всё понял. Здесь просто бессильны слова.
Мы всё сами решили. И нашим решением прижаты.
Ни вздохнуть, ни подняться.
Сквозь нас прорастает трава.
Свирепеют ветра.
Память тлеет, покрытая коркой.
И тускнеют картинки, их никак не сберечь.
Столько лет протекло, что уже неизвестно и сколько.
Безнадежен рассвет.
Бесполезна поэзии речь.

Ты прости меня, Боже, за нас, за двоих, недостойных.
Испугавшихся счастья.
И выбравших выжить во тьме.
Мы застыли в письме.
Между строчек прослоены.
Части
Одного механизма. С большей виной на мне.

8.

Давай вернемся в ноябрь.
Простой, ровный, бесслезный.
И бросим там крепкий якорь
Покуда еще не поздно.
Там нету игры на флейте
Там мало стихов и прозы.
Но можно дружить, как дети.
И можно любить по-взрослому.
Ноябрь на широтах прежних –
Одна темнота да слякоть.
А здесь это месяц вешний.
Ну хватит, родная, плакать!
Не дергай на прочность счастье.
Давай его лучше холить.
Я ямочку на запястье.
Целую. И это больно.

Занавес

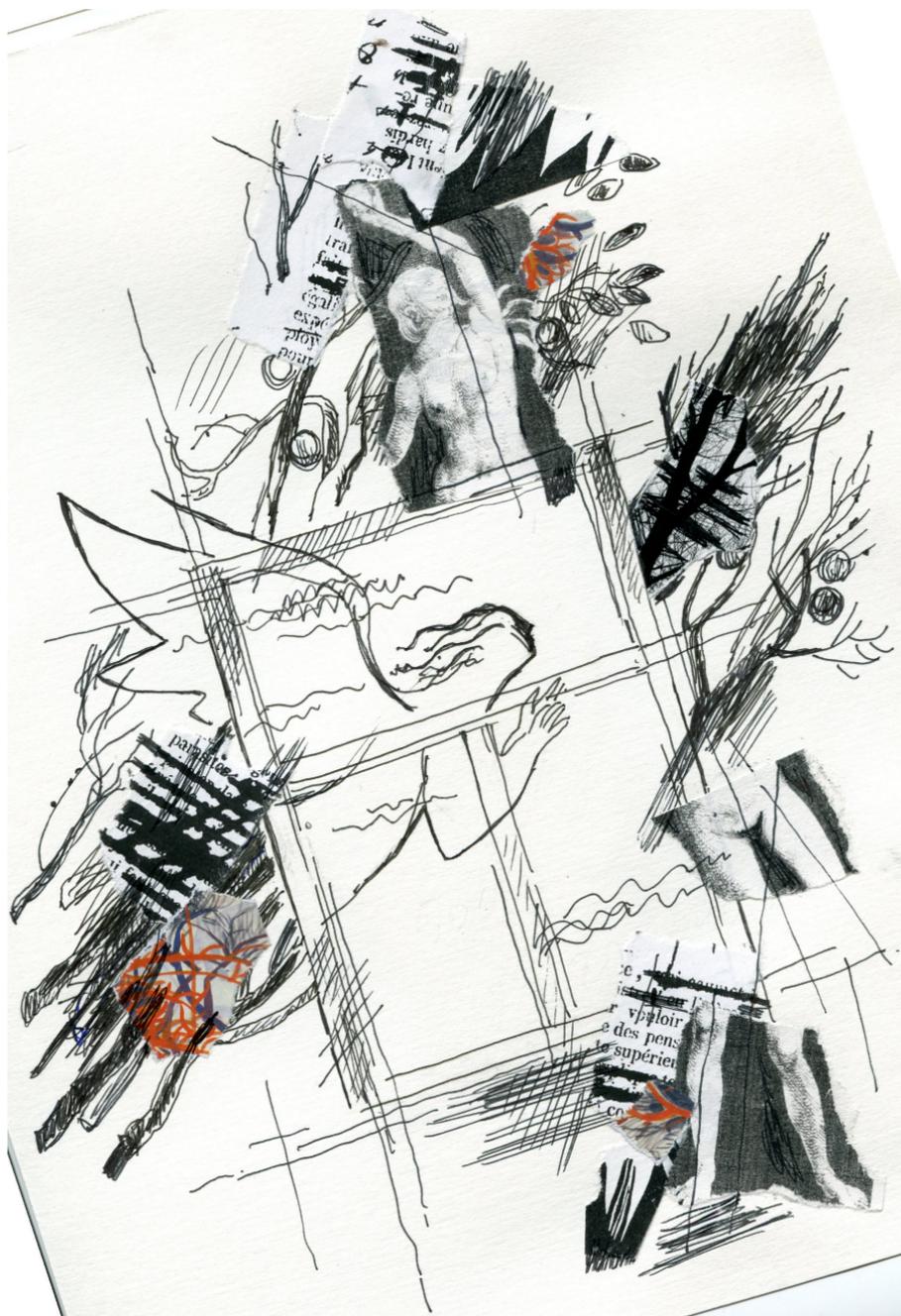
Ну всё. Готово.
Я не обжигаясь о твои сообщения так, как раньше.
Ты по-прежнему здесь. Во мне.
И значишь
Ничуть не меньше.
Только всё осело и улеглось. Тут, на дне.
Дыхание стало ровным
И вполне
Соответствует возрасту.
То есть больше подходит к похоронам,
Чем просто
К обычным будням.
Я теперь могу проспать до полудня
И спокойно потом работать ночью
Над чем-то, что относится скорее к телу,
Чем к бессмертной душе.
Электронную почту
Проверять
Не по мере прихода писем, а так, вообще.
И не ковырять
Компьютер так, как будто я перестал ему доверять.

Поздравляю. Нам удалось прибить это чувство.
Или, по крайней-мере, засунуть в ящик и запереть.
В сухом остатке - гулкая оболочка искусства.
Или то, что правильнее называется «смерть».
Твои строчки больше не пахнут духами,
А мои только табачным дымом или вином.
Так выглядит агония счастья
Перед тем как его понесут вперед ногами.
А дом
Опустевший пойдет с молотка.

Впрочем, это всё о другом.
И ни тебе, ни мне это уже не интересно.
А вот что осталось понять -
Так это, какое место
Нам лучше всего занять
Друг у друга в шкафу,
Чтоб опять
Не споткнуться о еще живую строфу.
И не грустить.
Ну и конечно, какое место
Нам осталось освободить.

9.

Мы прорастём из этих слёз.
Гораздо лучше и прочнее.
Сухие корни почернеют,
А листья - ветру на разнос.
Мы эту зиму простоим.
Чтобы к весне налиться соком.
Еще нам счастье предстоит
Зазеленеть и быть высоким.
Расти, и вместе два ствола
Сплетать в причудливое тело.
И мыслить на двоих слова.
И видеть за черту предела.
Где ангел, раем проходя,
Не обратит на нас вниманья.
Ну что ему до двух бродяг,
Что возвратились из Изгнанья?

10.

Судьба нас исполняет, словно ноты.
Одновременна боль – в одном аккорде.
Под пальцами создателя. Ну что ты
Сегодня грустная?
Мы - дань одной природе.
Концовка пьесы с точки зренья нот – загадка.
Нас вместе нажимают. Так раскладка
Записана на партитуре судеб.
Ты – гордый звук.
Я – дребезжу посудой
Запачканной. Бутылками пивными.
Пусть рассудит,
Кто слух
Имеет, есть ли здесь мотив?
Звучит аккорд из нас. Над ним речитатив
Из слов обиды, слов непониманья.
Какая глупость! Видишь, обнимаю
Тебя. Гармонии сливаются в одну.
Чуть-чуть вселенной добавляя глубину.

11 .

Это только время сумеет поставить точку.
Я же натыкаюсь на вопросительный знак.
А точнее, знаки, намекающие на всякие прочие
Варианты, уже на случившиеся никак.
Ключьями
Разорвано одеяло памяти.
И давно не греет и пропускает холод.
На нём можно версии, как заплаты ставить.
Столько слов пропадает,
Что ломит голову.

Иногда так бывает -
Труднее убить любовь,
Чем пережить смерть.
Так что, любой
Думающий иначе – пусть не зарекается впредь.
Я пробовал. Проходил через мысли гроздьями.
Высеивал рациональные зерна. Ждал ростков.
Не получилось. Дожив до проседи,
Так и не смог вырваться из твоих оков.

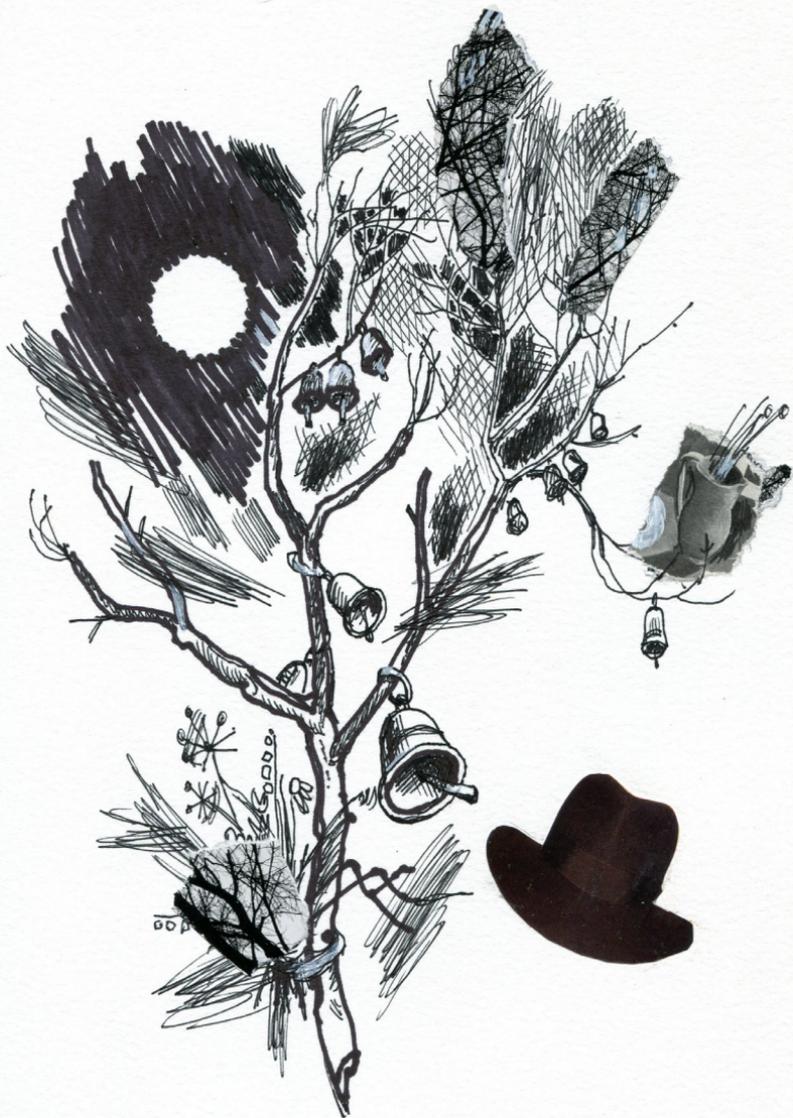
Но я принимаю, что мы давно прожили
Через бурную эпоху друг-друга.
Что взамен снятой
Теперь медленно растим новую кожу.
Что это, как попытка решить квадратуру круга -
Некуда и незачем идти на попятный.

Я охотно делюсь пирожным
С моей постоянной любимой.
Зарастает всё, хотя и с натугой,
Когда целое перестает замечать, что оно - половина.

12 .

Ну разве можно поставить ценник на твои слезы?
И пускай, что они размыли наш путь так,
Что он весь в лужах.
Мы крадемся по слякоти. А сверху звезды
Смотрят, как мы несем хоронить свою любовь.
И приходят от этого в ужас.
Мы заметили вдруг, что она умерла.
И теперь ставим на жизнь в надежде,
Что другая пустила ростки
В разрыхленную почву
Сердца.
Но этой ночью
Мы идем через перевал.
И от страха сжимает виски,
Потому что проще
Упасть в пропасть. Чем друг с другом согреться.

Мы пытались и так, и эдак.
Заменяли вино стихов прозой секса.
Теперь ты плачешь. Наглотавшись таблеток
Мы конечно уснем, обнявшись вместе.
И пускай нам приснится очень близкое будущее.
Не дальше, чем расстояние до сцены
Из первого ряда.
Где мы досмотрим спектакль про нас, идущих.
А твои слезы останутся навсегда бесценны.

13 .

Какие мелкие слова.
Какое крошево бессилья.
Ты так чудовищно права –
Мы получаем, что просили.

Стихи цветут ночной порой,
А на рассвете им завянуть.
И кто был первый, кто второй
Суметь бы лишь отрезать память.

Как научиться отличать
Слова молитв от просто слога?
И как посметь опять начать
И верить в то, что все надолго?

14 .

Итак у нас почти получилось
Испортить отношения. Почти расстаться.
Ты впала в мою немилость
А я в твою. Так это и будет снаружи казаться.
Всё, что тогда приоткрылось,
Теперь задрапировано на-глухо.
Мир опять стал черно-белым.
Причем паточка –
Основной оттенок.
Разбавленная необходимостью дела,
География города без остатка
Разделена на места
Где мы были.
И все остальные места.
Симптоматика заболевания такова –
Что, похоже, мы его так и не прибили.
Хотя очень старались оба.
Только затем и раскрывали уста,
Чтобы добавить. Не особо
У нас получилось.
Чувство съёжилось. Но не убилося.
Скорее уплотнилось.
И теперь, как пружина
Ждет повода, то есть нажима,
Чтоб опять распрямиться.
А что всё это еще держит – просто непостижимо

15 .

Я не могу пройти через слова,
Не поперхнувшись звуком, словно кровью.
Покорность выбору коровья -
Смирительной рубахи рукава.
И сыплется строка, чернила выжжа.
Что кассы сбор?
Кино - сплошной провал.
Собор
Иль храм? - Надорванная грыжа
– не отмолить чего наворовал!

Ужели пить, чем просто жить нелепо?
Как звездный знак - осталась тишина.
Болит ребро – была предрешена?
Мне снилась музыка.
Душа на век ослепла.

16.

Мы подошли к черте и расцепили руки.
Вскипает тишина и слепнет совесть.
Мы учим тонкие науки
Вранья. Уже не новость,
Что мы - орудие для боли.
Без промашки
Чернила проступают на рубашке.
Так доколе?

17.

Я, как пена волны. Разбиваюсь на брызги в прибое,
Ударяясь в твой берег, где ты там высоко.
Всё чем жил и любил, я к ногам опускаю без воли,
Подбери мою свежесть. На закат заслонившись рукой.
Не плохой.

А как все, я чуть-чуть нехороший.
Я обычный и вовсе не знаменит.
Ты дыши моим морем, где белое крошево
Пены внизу под обрывом дрожит.
Всё прожито.
И вместе и порознь.
Твой отчаянный
Побег от меня удался.
Чайки что-то кричат,
Надрывая свой голос.
И штормит океан, ничего не простя.

18 .

Мне уже не подняться с колен.
Я придавлен виной и отчаяньем.
Не прошу о высоком. Взамен
Дай мне просто будничное счастье.
Дай мне просто улыбку в глазах
С продолжением в ямках на щеках.
Я молюсь на твои образа -
Если есть где-то шанс, то еще бы!
Разнимаю бессонную тьму
И тихонько целую ладони.
Без тебя эту жизнь не приму.
А с тобой я ее недостоин.

Письмо в прошедшее будущее.

Здравствуй, наш нерожденный с любимой ребенок.
Ты, кто стал музыкантом, поэтом, пророком.
Ты, кто походя, ненароком,
Говоришь правду и видишь суть.
Прости меня за Новогодние ёлки,
Которых не было.
Как и не было сказок, чтобы под них уснуть.

Талантливый, красивый, успешный –
Только от настоящей любви бывают такие дети –
Прости, мы были недостаточно грешны.
Ты не рожден.
Но я за тебя все равно в ответе.

Я по-прежнему грёжу твоей волшебницей-мамой.
Я все так же пишу ей длиннющие письма в Лету.
Про морщин набегающие карманы
В уголках глаз. Про несбывшиеся с нами сюжеты.
Про монеты,
На которые я не купил тебе ни игрушек, ни сладкого –
Мы спустили всё, ожидая другого начала.
Только жизнь на жизнь делится нацело.
Без остатка.
И поэтому она тебя не зачала.

Мы, наверное, будем отвечать перед Богом.
А может, и ты добавишь какое слово, -
Хотя наша партия давно развистана.
Если жить так, как будто ты здесь, под боком,
То жизнь еще не бессмысленна.
Впрочем, это уже из другого.

Приглашение

Заходи. Я тебя приглашаю
В свой сказочный мир.
Где я часто бываю
Сам себе и король и пастух.
Здесь фальшивые ноты не будут царапать твой слух.
И тебе не придется из двух
Неприменно одно выбирать.

Здесь затерты до-дыр
Драпировки на стульях
И продавлен прожженный диван,
Где свернувшись, сутулясь
Так здорово можно играть
С тем волчонком, которого любит царевич-Иван
Непонятно за что, но отнюдь не за острую пасть.

Перебраться
Можно все приключенья, какие ты хочешь.
И конец изменить, если чем-то конец нехорош.
Заходи, не стесняйся. Ну что ты стоишь, что бормочешь?
Что мокнешь.
Под холодным дождем ни за грош?

Ни за талер. Сюда не откроется дверца.
Только все волшебство пропадет, если ты не войдешь.
Улыбнись. Ведь улыбки не купишь за много сестерций,
Как без веры, друг друга уже не поймешь.
Заходи.
Непогода останется там, за порогом.
Вот горящий камин. Обопрись о плечо.
Ты мне просто, вот так, надиктована Богом.
Только я эту строчку, еще
Не прочел.

19.

Кто ты – тень в моей памяти?
Или я тебя просто выдумал,
Оживил и оставил на паперти,
Счастья молить за двоих?
Годы режут морщинки у глаз
Их уже не расправить.
И на убыль
Уходит сиянье шутих
Чтобы скоро потухнуть на раз.

Кто ты? Прошлое мое или будущее?
Должен ли я тебя беречь
Или в тебя верить?
Ты как, снежинка, летящая, крутишься.
И никак не подстеречь,
Сколько же у тебя измерений.

Как же тебе бывает со мной непросто.
Извини меня за ожоги.
Прости за лед.
Мы опять переживаем тот высокосный
Избивающий беспощадно год.
Не строги
Были сначала правила.
Но стали вот незаметно строже.
Так что любовь нам понаставила
Узоры рубцов под кожей.

Кто мы? Гармония, звучащая в космосе?
И кто кому ее насвистывает, кусая губы?
Если вселенная создана мудрым словом, Господи,
То зачем тогда мы так безнадежно глупы?
Снова
Я захожу на взлет.
И мой оптимизм ревет изо всех сопел.
Мы лечимся утиранием детских сопель.
Мечта, продолжающая полет –
Мы.

20 .

И когда я буду потом
Судим своими детьми.
За эгоизма грех.
Что с того, что написан том
И посажено дерево на виду у всех?
Что с того, что людьми
Позже буду я вдруг прощён?

Я не буду оправдан там,
Где ведут мой закрытый счёт.
Где заказан мне доступ в храм,
Где душа прогорит, как воск.
Пусть я всё, что украл – отдам.
Пусть охрипнет мой голос
От покаяния и вины.
Мне останутся наши дни.
Мне останутся мои сны.

Бестелесная память пусть
Проникает вселенной свет.
Я опять с тобой повторюсь
Через тысячу, что ли, лет.
И на землю придет опять
Возродиться одна душа.
Чтобы в двух телах побывать.
И свести в одно, жизнь кроша.

На втором круге

* * *

Кажется, жизнь пошла по второму кругу.
Впадает в любовь, переживает разлуку,
Потом разлом.
Так и кажется, что душа набивает руку,
Чтобы потом
Напрямки, напролом
Выйти к финишу,
Продираясь, скорее, по звуку,
Чем на ощупь.
Несбывшуюся надежду,
Используя для криков о помощи,
А их уже - как прямую цель.
Но сколько можно ещё
Выдержать таких циклов прежде,
Чем налетишь на мель?

Я, наверное оставил долги на первом круге.
Или что-то важное не сдал в срок.
Жизнь так устроена. Она повторяет муки,
Каждый раз усиливая урок.
Пока он не выучен и не понят.
Или пока он не поднят
На новый уровень.
Откуда видно, что я всё тот же увалень.
Что всё смотрю в зеркало времени,
Кривизну его пытаюсь понять.
Вспениваю
Ручейки памяти, пока не придет ощущение
Свежести старых ошибок.
И опять
Клянусь их больше не повторять.

Осенние стансы

Тебе хочется, чтобы я измерил температуру снега?
Он же весь почернел. Его опять лихорадит.
Я перепрыгиваю сугроб с разбега.
И вот снова там. В моем Ленинграде.
Тут тяжелое небо и большая влажность.
Так что я в лыжной шапочке. Чтоб не холодно голове.
Поворачиваю за чей-то угол. Чей – неважно.
Перекресток.
Мокрый, противный снег. Я уже в Москве.

Это набросок.
Начало или продолжение поздней осени.
Деревянные доски,
Проложенные прямо по слякоти
Моей проседи.
А я иду
По дороге к дому, где ты читаешь книгу.
Тут какая-то куча – выброшенная на слом.
Эту ткань бытия мы несем
За обрывки каникул.
То ли это теплое море.
А то ли друзья за большим столом.

Всё образцы памяти
На показ приходящим детям.
Своим ли, чужим ли? – уже без разницы.
Как заплаты на мантии,
Они прочнее того, что через нее светится.
А в общем-то, все равно нечем хвастаться.

Я любил многих.
А они отвечали мне, чем попало.
Занимался всякой науко-логией,
Чтобы прочно казалось стоять ногами.
И почти привык начинать сначала.
Но что-то меня все-таки доконало.

Я теперь брюзжу и пью в одиночку
И обгладываю кости истории - куда она могла
повернуть,

Если бы не ходила по кругу,
Похожему на толстую точку.
(Как бы я хотел сам себя из него пнуть.)

Но если вычесть из мерзкой погоды желание спать,
То останутся только дела, что нельзя отложить.
Это, видимо, и называется - «жить»,
А так всё хочется, чтобы дважды два было пять.

Отъезд

Физическая удаленность тел в пространстве -
Еще не разлука.
И если протуберанцы
Солнца не светят нам одновременно -
Это не повод плакать.
Разлука - это когда у тебя болит колено,
А я не могу утешить. Когда фруктовая мякоть
Недоедена,
Ибо тебя нет.
Когда в кухне, там, где отметина,
Не зажигают свет.
Это стакан пустоты
Налитый на ночь, щедро.
Это сухая цедра
Объективных причин, которые я не запомню
Ты
Натягиваешь нашу струну, так что кроме
Её вибрации
Нет уже других звуков.
Разлука -
Это операция
На живой памяти,
Которая изменяет лица.
Я вздрагиваю от дверного стука.
Или мне это просто снится?

* * *

Здравствуй, Время – Медведь.
Мы с тобою один-на-один:
Да я знаю, ты меня заламаешь,
Мне не выстоять бой.
Только раунд вот этот – за мной.
Понимаешь?
И, быть может, другой
Я еще продержусь...
Мне же есть, для чего.
За мою спиной
Эти детские руки,
Эта чушь
И не чушь бесконечных вопросов.
Этот рот, перемазанный кашей.
Эти слезы,
Обида и всё остальное,
Что все-таки даже
Дает мне надежду,
Что лапа твоя промахнется,
Порвавши одежду.
Еще один раунд не твой.

* * *

Пойми, смерти нет. А есть что-то другое.
И вообще непонятно, кто должен грустить, и о ком.
Может, просто душа разорвала оковы,
И напрасен в груди подобравшийся ком?
Кто в тюрьме, кто свободен -
Еще предстоит разобраться.
Очень жалко себя.
И любовь невозможно с бессильем смирить.
И так трудно. Но надо собраться.
Ни на что не пригоден.
Но не горькую ж пить?
Жизнь крутить,
Как кино. Только кадры на стопе
Там, где память подводит и врет.
И в ушах тает голос, да тень
Оседают напротив.
И день
Пробегают. И ночь напролёт.

* * *

Я иду по узкому гребню.
Справа и слева пропасти.
На дне их просто
Страшно, или я так зябну.
Облака затанули звезды.
С ног валит порывистый ветер.
Это такая дорога, где
Каждый шаг остается,
Выжигая картинку в моем мозгу.
Как будто метит.
Но иногда бывает -
Над гребнем восходит солнце.
И ветер
Тогда стихает.
И я по снегу бегу.

Весенняя открытка

А ты помнишь, как мы гуляли
Под снегопадом цветущих вишен?
Ты сказала что-то смешное. А я не понял.
Потом мы вышли
И сели в машину.
И поехали куда-то.
Так, что за окном мелькали
Черепичные крыши
Пало-Алто.
Дождило. Солнце танцевало в тумане.
Мы как будто плыли по рампе фривея.
А кроны деревьев
Тонули под нами.
И с них поднимались цветные метели.
И март распускался над мокрой долиной.
Всё сложное проще гораздо казалось.
И снова мы были наивны, невинны.
И долгой зимы отпускала усталость.

Миттельшпиль

Калифорния. Вечер.
 Огоньки самолетов, запряжённые цугом,
 Медленно пашут ночное небо.
 Кречет
 Встает на крыло над лугом.
 Закат поджигает запад
 И горит над горами гребень.
 Память мне кружит голову
 Твоим голосом.
 Запахи наступающей ночи назначают свидание.
 Но полис
 Выбран. Полностью и не поровну -
 Опять долги перевешивают желание.
 Так, что ещё один день застревает в патоке.
 Вычитая тебя из моего времени.
 Обрезая его и делая совсем кратким.
 Как остатки в банке из под варенья.

А помнишь, я построил город с домами и парками?
 И обнёс его прочной стеною от глупых недругов?
 И поселил тебя во дворце? Как ярко
 Светило солнце, и пели птицы в кроне кедров!

Я построил город с магазинами и бульварами.
 Там было много уютных кафе на кривых улочках.
 Куда мы заходили и пили чай из самовара
 А иногда кофе и, как водиться, с булочкой.
 И лучше
 Не было тогда места на целом свете.
 Осталась это почтовой карточкой в моём виске.
 Я построил город. И верил, что мы в него переедем.
 Когда вдруг оказалось, что он стоит на песке.
 Когда вдруг оказалась, что посреди повседневности,
 Мы почти потерялись и теперь, **реви** - не **реви**.
 Ты выкармливаешь тело своей ревности,
 И оно шархается от тени моей любви.

А жизнь расчерчена на перекрёстки
 Между твоей работой и моим бытом.

И я старым шутом на подмостках
Пытаюсь тебя рассмешить избитым,
Заезженным поперек и вдоль сюжетом
Про счастье. Но лишь вызываю недоумение.
Как будто грязь на моих манжетах
Ставит слова и роль под твое сомнение.

Прости за эти угловатые, длинные строчки.
А хочешь если, то и бумагу порви.
Я построил город для нашего одиночества
На простом песчанике твоей любви.

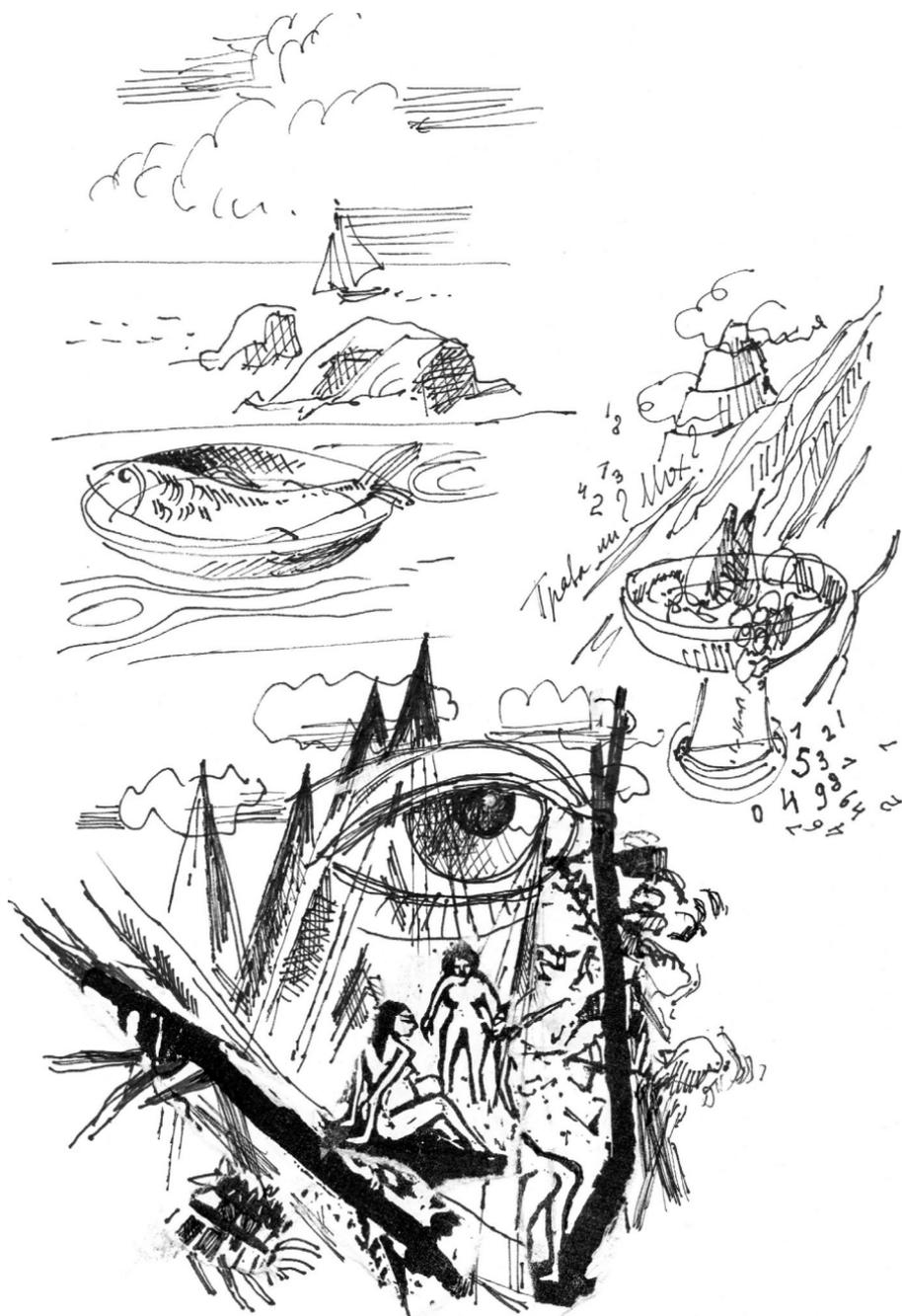

Аляскинские стансы

Количество воды, нас разъединяющей
Уже не измерить в литрах или бассейнах.
Живущий здесь, и постепенно
Тающий
Лед, постоянно
Добавляет погрешность
К любому числу. А рассеянный,
Мягкий свет
Память о красках юга
Сводит почти на «нет»
Каждую малость градуса, отсчитывая от полярного круга.

Здесь корчма
У дороги носит название «гранд-отель»,
Но хозяин-повар не вызывает стряпней восторг.
Как и почва
Не прощает босой ноги,
Предпочитая ботинок, или, лучше, сапог.
И где злая метель,
Просто отошла, временно,
И стоит, смотрит, сжав кулаки
Высоких гор,
Покрытых материалом, из которого изготавливают забвение.

Здесь из нор
Вылезавший по весне всякий зверь,
Торопится размножаться,
Не зная
Что есть «любовь»?
И не понимая,
Почему я теперь
Грущу.
О тебе оставленной в других широтах.
Отсюда всё, что ни сообщу,
Покрывается коркой льда.
Отчего тебе становится холодно в коротких шортах,
А слова просто добавляются к расстоянию в никуда.

Юг Франции

А хочешь устриц, белого вина?
Как поздним утром в городке
Коллюре?
Где ветки
Яблонь прямо из окна.
И препинание платья по- фигуре?
Как мы стояли, за руки держась.
Не щекотали памятью заботы.
А под ногами был песок. Не грязь
Иль слякоть подмосковного болота.
Как в нотах
Нашей встречи плыл простор.
Как, не справляясь с солнечной картинкой,
Бессильно щелкал камеры затвор.
И смех дрожал у глаза паутиной.

Коллюр Матиса в обрамленье Пабло.
Где башни римлян –
Сторожа времен.
Тобой и ими
Вместе полонён.
Спаси мя, Господи, чтоб память не ослабла.

Вместо поздравления

Б.Н.

Дорогой, мы дружим уже столько лет!
 Я слышал, что многие даже живут короче.
 Это срок. Такой, что портрет,
 Давно написанный, уже дорожает –
 Художник выбился в люди, а прочая
 Хренатень забыта. И мне никак
 Не мешает
 Факт,
 Что жизнь размечена
 Верстовыми столбами с твоим именем.
 По ним легче найтись, чем по трещинам
 Памяти. Или по сувенирам на каминной
 Полке. В пустой гостиной.
 Ах как жаль, что она пуста!
 Мы могли бы с тобой замочить красного зля
 Под разговор. Впрочем, жизнь продолжается,
 Асимптотически устремляясь к ста.
 А что не уменьшается,
 Так это зарубки на теле.

Вот эта, когда мы висели с тобой на одной веревке.
 А вот шрам от пилы – мы строили переправу.
 Столько лет! Мы по-прежнему не менее ловки.
 Мы вообще «еще да». Хотя уже точно не «на халяву».

Поизносила жизнь, похожая на тугую пружину, –
 Гладкий черный металл на листе бумаги.
 Где все подчиняется двум режимам –
 Закручивания и распускания. Радости и передраги.

Полтинник - это как посмотреть. С точки зрения мудрости
 И кулака
 Это, наверное, оптимум между ними,
 С поправкой на толщину бумажника,
 На толщину живота и в боках,
 Взятое всё вместе, оно памяти юности
 Мешает продолжать зарастать полынью.

Так сказать тормозит.
Позволяя мечтам забутониваться и иногда распускаться.
Полвека - это состояние «транзит»:
Четко видно откуда и уже понятно, куда предстоит спускаться.
Утешает сильно, что компания хороша.
За такое время, как старый коньяк - только стала лучше.
По заснеженной круче.
Нам еще предстоит тропить под санный полоз.
Я разглядываю портрет и в размахе карандаша
Слышу голос.

Письмо другу

В.Б.

А однажды я приду к тебе за советом
По большому вопросу – на него сразу ответ не дашь.
Будет окно на кухне гореть за полночь ярким светом
Кипятиться чайник. И листок проминать карандаш.
Мы затронем высокие сферы будничным взглядом.
Как обычно, ты будешь мудр. А я устану кивать.
А потом придет еще кто-то и сядет рядом
На давно продавленную кровать.
И тогда ты возьмешь гитару, и все отпустит.
А проблемы отойдут куда-то, где они подождут.
Твой голос будет покрыт оттенком грусти,
И слова старой песни меня опять обожгут.
И в конце-концов ко дну большой чашки чая
Придет ответ, что я так искал.
И настанет уверенность, что количество печали,
По силам человеку, который от нее устал.
Мы обнимемся, не прощаясь.
И каждый из нас нырнет в свой поток.

Полюса земли, вращаясь,
Медленно отсчитывают наш срок.
Я благодарю эпоху и время,
За то, что нас когда-то вместе свело.
За то, что нам с друг-другом светло
И, что мы по-прежнему остаемся теми.

Дон Хуан

Я смотрю на девчонок взглядом патриарха.
Вот эта, пожалуй, подойдет моему внуку.
Бедра, фигура, одежда - чуть-чуть неряха -
Впрочем, это поправимо, я давно набил себе в этом руку.
Мой зайчонок.
Он тоже не - ахти какое сокровище -
В таких передрыгах, что лучше бы и не попадать.
А девчонка хороша. Стоящая.
Так и хочется сбросить лет двадцать пять.
Я ведь «еще да».
«Папик» вполне на выданье.
Было же приключение год назад в Ницце?
Тоже точеные ножки. Талия.
Приторно.
Так и не удалось измениться.
Лица.
А сколько их было?
Цифры – утешение для слабого тела.
А, занервничала. Чувствует мой взгляд.
Обернулась. Нет, не видит. Еще бы!
С моим то рылом,
Куда тут в калашный ряд -
Скорей в чащобу.
Кажись, стоит без дела.
Ан нет, телефон зажат.
Кавалера
Ждет? Или, может, подруг?
Каблучки высокие, туфельки чуть дрожат,
Как рифмуются.
А вот и он, переходит улицу.
Узнаю походку - ну точно, мой внук!

Полнолуние

Опять полнолуние.
Значит здравствуй моя бессонница.
Книжка, болтунья -
Пусть одна побудет.
До звезды луча не дотронуться -
В полнолуние звездам не выйти в люди.

Стрелки кружатся,
Не спеша, натиковая перевал в рассвет.
Белого света лужица
Скоро испарится под шторой.
Странно когда спишь, а ночи нет.
Первой, второй.
Уж которой.

Догадываюсь, зачем создатель повесил эту луну –
В ее мягком свете сглаживаются промашки.
И когда ты у себя дергаешь за струну,
Она резонирует здесь на клочке бумажки.

Мы с тобою так разговариваем.
Жаль, что редко. Что лишь раз в месяц.
Я с таким нетерпением ожидаю марево,
Встающее над редколесьем.
И на ночь уже не зашториваю окна –
Все равно без толку. Не уснуть.
Я тебя теперь слушаю столько,
Сколько
Ночь тянет луны блесну.

Я руками всплесну,
Как ты, тонкая,ходишь, из плоти.
Открывая мне тайну.
И, тотчас, задавая вопрос.
Я отвечу.
Луну задержите в полете.
А пока обниму твои плечи,
Чтобы запах услышать волос.

Утро пышной обновой
Пробивается светом.
Лишь потеряно слово,
Что нашлось для ответа.

Моисей

1 .

Если мерить любовь,
Если как-то придумать устройство
Со шкалою свиданий и счастья, хотя бы из разных частей.
То тогда единице такого всемирного свойства
Назначается имя –
Размерность - один Моисей.

Это, право же, просто,
Чтоб со всех континентов события и люди
Сплетались в тесный клубок.
Это очень невзросло,
И кто-то, наверно, осудит.
И даже попробует времени выставить срок.

Подчиняясь минутам, увы,
Мы беспомощны в этом пространстве.
Ленинградский трамвай исчезает.
Он - вне скоростей.
Только город из камня.
И в нем - Третий Храм постоянства.
Весь в убранстве
Любви.
И приведший к нему Моисей.

2.

Я смотрю на холмы. На линию пляжа.
На солнце.
Мне тысяча лет. Или больше.
Ну поди, разбери.
Я здесь корни пустил.
И они разбрелись как придется.
Раздарил
Все свои имена – словно с веток листы.

Я гляжу.
И глаза корректируют первую память.
Я прошу, -
И материя гнётся от слов.
Как же просто сказать,
Что потом не возможно поправить.
В избежание ошибки – научиться бы слушать любовь.

Я спиной повернусь, чтоб закат мою тень передвинул.
Чтобы свежие всходы не попали под зной.
Поднимается ветер. И дождь выбирает долину.
Неужели все это со мной?
Да уже над страной
Ливень прёт без обмана,
Виснет туча, и нескоро жара запечёт.

Я с течением веков различаю все чётче –
От кремлёвско-египетских стен и до третьего храма.
Кто ведет душам счёт
Пусть зачтёт,
Не споткнувшись на счёте.

В тени камней

В памяти горит свет.
Закат, отраженный от белого камня.
Холмы. Их линия медленно сходит на «нет»
У горизонта. Город, натянутый на подрамник
Времени. История, резонирующая прямо в кровь.
Да я уже бывал здесь и господином и смердом.
Я частица этих склоненных голов,
Что под открытым небом
Строят берега добра
Размером и ритмом
Своей молитвы.
Паломники. Кошки. Детвора.
Пустынных улиц стоптанные плиты.

Я снова здесь, как раньше, и не так.
Хозяин, заскочивший в гости. Просто
Придавлен памятью. В ней старый лапсердак
Никак
Не подгоняется по росту.
Я к плёсу
Площади у Западной стены
Вдруг выброшен без всякого нажима.
Я, нерожденный сын моей страны –
Иерусалима.

Теперь ведом невидимым лучом
Сквозь трещины за каменную кладку.
Туда, где был и не был я еще,
К началу, что в сухом остатке,
Не изменилось.
Можно, возвратясь,
Найти свой камень, чтобы прислонясь,
Почувствовать себя среди народа
Когда, сквозь арку незаложенных ворот,
Взгляд видит четко сущность небосвода,
Как связь времен, а не наоборот.

Как блоки стен, надеты на линейку,
Лежат века. Но их не охвачу.
Я город пробегаю по лучу.
За башни, переулком, по ступенькам.
Я здесь молился, жил.
Теперь молчу.

К сыну

1.

Мой голос слаб.
Скорей похож на шепот.
Слова еще живут недолгий срок.
Мне мудростью ошибок не заштопать.
Не пересдать проваленный урок.

Итог

Твоих движений, что наотмашь,
Есть боль. Ее перенаправить -
Лишь в пустоту.

А ток

В твоих словах, где всё о прошлом,
Не отпускает память.

Я листу

Бумаги доверяю больше,
Чем твоим глазам.

То, что я в них читаю,

Как заношенное

Платье,

Трещит по швам,

Едва некстати

Я примеряю

Его на настоящем.

Мой голос слаб. Сквозь стену «рэпа» и «металла»

Не прорубить окно.

Ну как любовь начать сначала?

Так дно,

Наверно, выглядит: сплошная безнадежность –

Есть свойство дна.

Ну и, конечно, протяженность.

Что даже крик не прерывает сна.

Ведь голос слаб.

*К совершеннолетию сына***2.**

Это любовь, когда мне не безразлично,
Что с тобой происходит.

Когда ты не учишься «на отлично»,
Или когда мы на природе
Переживаем вместе опасность.

Меня трясет, если ясность
Твоих глаз отступает,
Когда периметр их подернут красным,
А речь вдруг теряет смысл.

Я устал. Я весь высох
От желания с тобой дружить.
Это любовь, когда я хочу спешить,
Чтобы успеть к твоему приходу.

Сын мой, это еще не годы,
Но уже возраст.
Так встань же! Свой рост
Распрями
И возьми эту жизнь – кобылицу
Под уздцы. Распряги
Ее из телеги своей тишины.
Крепким бицепсом
Удержи её в её беге.
И да будем все мы тобой прощены!
И эта любовь.

* * *

Я прохожу науку «разлюбить».
Предел отчаянию ищу бечевкой смысла.
Но, выбрав всю длину, она повисла.
Не тронув дна, с которого начать
Наверх, на свет, перемещение.
Я применяю магию прощения,
Заклятие кладу, чтоб не кричать.

Событиям прошлого меняю дни и числа.
Ищу в истории неверный поворот.
Откуда все потом произойдет,
Чтобы застыть во времени и присно.

Велосипед

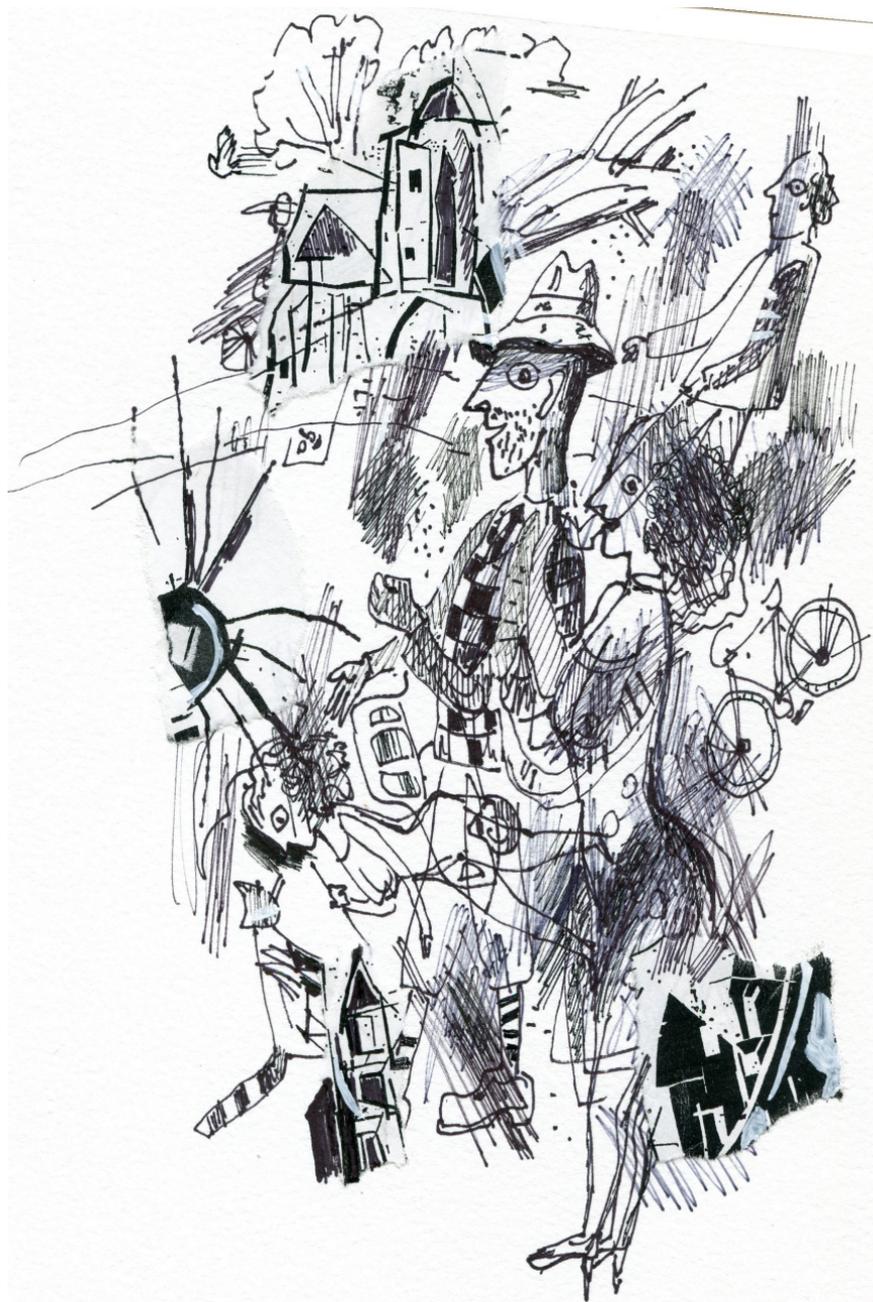
Эта ось не годится -
Так скоро я обод погну.
Отскочившая спица
Торчит и цепляет штанину.
Я доехал до сюда. И, может быть, брошу машину,
Чтобы дальше пешком, направленья держа на луну.

Не спешите уверить, что мне до луны не дойти.
Я же помню картинку из старого детского фильма –
Если верой педали крутить
(Можно даже не сильно),
То луна недалече. Спасибо за это, «Е.Т.»*.

Ну какая беда, что уже не вскочить на седло,
Чтоб под горку катиться, раскинувши руки, как встарь?
Я не стар.
Но по лунной дорожке топчу тяжело,
А в натертую спину впиваются руль и фонарь.

---

* «Е.Т.» - имеется в виду фильм Стивена Спилберга «Инопланетянин».
“E.T. the Extra-Terrestrial” (1982)

Ботаника .

Калифорния – как ботанический сад.
Весь двор похож на отряд,
Набранный из разных широт.
Тут растет алыча из вяза, а в рот
Попадает яблоко. Птицы клюют черешню.
Наоборот
В январе плодоносит вдруг апельсин.
И конечно,
Из известных лесин –
Красное дерево, эвкалипты, сосны.
Но нет осин.
Лиственниц и остального, что не выносит солнца.

Но я прижился. Одеревенение
Происходит почти органически. Ему сопутствуют
Редкие приступы вдохновения,
Но больше помогает его отсутствие.

Только деревья чуть примиряют со временем.
Для секвойи тысяча лет - обычное дело.
Многие много старше.
А мы, кратко живущие, как умеем,
Набиваем свежую память строчками на бумагу.
Иногда раскрашиваем
И так потом оставляем.
В наглую.
Потому что не можем жить в рамках предела.

Да здесь прорастает все. Лишь бы была вода.
Так человеку удастся какая-нибудь карьера,
Едва найдется работодатель труда,
Тогда все равно, что делать
– долбить ли стену карьера
Или мелом
Писать на доске, повернувшись спиной к классу.
Года
Собираются в плотную массу
И сливаются в, конце концов, просто в один.

Существуя, плодонося
В этой древесной толпе,
Медленно распускаясь цветком седин,
Иногда хочется мерзнуть в краю осин
И бежать по тайге, ничего дождям не простя.

Монтерей

А помнишь, тогда, в Монтерее,
На улице консервных фабрик,
В ресторанчике, имя которого я не запомнил,
Ты у барной стойки пила сангрию?
Неторопливого лета фабула
Раскручивалась сама и без предисловий.
А вечер отдавал вкусом рыбы на гриле?

Никуда не плыл привязанный накрепко рыбацкий сейнер.
К причалу, что скрипел костями,
Как будто в бурю,
Когда по нему носились дети, передвигались семьи.
Пахло водорослями.
Мы обнимались и глядели на даль лазури.

От ресторанчика тянуло другой эпохой.
Ветрами. Джазом.
Когда пианино в углу еще играло.
На прокуренных стенах едва держались
Черно-белые фотки.
И мы пропустили, как вздрогнуло время и постояло.

А потом был закат.
Только мы не досмотрели,
Как солнце пыталось придать размер океану.
Мы застряли в трафике на фривее.
Ты сомкнула глаза
Устало, дыша туманом.
Надвигалась гроза.
Начало недели.
Ах, он был или не был, тот уикенд в Монтерее?

Памятник.

А какая разница,
Как будет выглядеть мой памятник,
Если к нему никто не придет?
Я всю жизнь не кланялся.
Не покупался на пряник,
Надеялся – кто-нибудь, да найдет.
Кто-нибудь
Перечтет еще не остывшие строки,
И они уколут печалью.
И зачнутся, пойдут расти мысли,
Корнями свои соки
Возвращая душе.
Мир безразличен.
И это первоначально.
Поэтому, сработанное из камня -
Не долговечнее написанного в карандаше.
И только сроки
Жизни секвойи
Больше, чем период смерти развалин Рима.
Посадите мне памятник.
И просто поливайте его водою.
И не надо слов. Я и так любимый.

МАНИФЕСТ ДЖАЗ-ПОЭЗИИ

Этим документом я попытаюсь описать форму стихосложения, которую еще в 1987 году назвал «Джаз-поэзия». Если «формально» следовать принципам, изложенным ниже, то каждый может писать в форме «джаз-поэзии». Конечно, как и всякая поэтическая форма, она привязана к способу мышления и не всем авторам будет комфортна. Впрочем, среди традиционных или не традиционных форм, – не всем комфортно писать амфибрахием, вольным стихом, верлибром и т.п. Как известно, форма, выбранная для стихотворного произведения, должна подходить к теме, но еще более важно, чтобы она резонировала с внутренним мироустройством автора, а иначе это будет ярко-блестящее искусство ради искусства, и только.

1. Как читать джаз-поэзию

Джаз-поэзия бывает в простой или в сложной вариации форм. Простейшая форма звуковой поэзии будет требовать от читателя произнесения стихов вслух (или озвучивания про себя, да так, чтобы при этом соблюдался размер и ритм) с тем, чтобы зазвучала скрытая внутри мелодика из слов. И когда музыка зазвучит, когда возникнет эмоция, тогда и придет понимание смысла и содержания стиха. Собственно, это-то и будет правильным прочтением стиха, написанного в джаз-форме. В «джаз-поэзии» слова обретают дополнительное значение с помощью музыки, звукописи. Этот дополнительный смысл в комбинации с принятым буквальным смыслом добавляет эмоциональное измерение к целым фразам вместе. Примерно вот так (рифмовки выделены одинаковыми цветами):

Букет

Середина **печали**
 Еще не цветок "до **свиданья!**",
 А только **молчанье**
Плечами.
 Еще не мотив незабудок,
 А **тайна**
 Несказанной **розы.**
Окраина.
 Ромашек изгиб.
 Да **бесхозность**
Пыльцы.
 Тополей **одночасье,**
 Как **сыпь.**
 Середина **печали.**
Концы
 Не **видны** -
 Гладиолусов **нотная запись,**
 Да клавиши - **сны.**
 И бесстыдство **тюльпана.**
 Да отнятый запах **гвоздик.**
 Незнакомые **страны,**
 Как южных цветов перепев.
 Между **книг.**
 Ностальгия **попыни,**
 И в ней **далеко**
 Апельсиновый запах **чужбин.**
 Неуспевшие **спины.**
 И маковый бред
 Над горбами **равнин.**
И покой.
 И приторный вырез фиалки.

Каждый стих является как бы небольшой иллюстрацией к ограниченному числу эмоций. Понятно, что складывая стихи в сочетающиеся циклы, можно говорить об эмоциональных поэмах (если не романах), как отдельной форме, вытекающей из «джаз-поэзии».

Естественно ожидать, что не все читатели могут мыслить эмоциональными категориями. Не все также могут озвучить

стихи с листа, не сбиваясь с ритма, – следовательно, для таких читателей стихотворение распадется на фрагменты и в итоге развалится. Если это случилось, посоветую прослушать несколько «джаз-поэм» в исполнении других или, лучше, в исполнении их авторов – понимание должно придти.

"Джаз-форма" (до известной степени) позволяет наполнять стихи тем смыслом, который близок читателю, вносить в них то настроение, которое он испытывает. Это - как раковины, которые можно поднести к уху и услышать море, реку, улицу или ничего не услышать.

Более сложные вариации формы «джаз-поэзии» это те, где происходит сплетение традиционных методов и форм с музыкой, что выводит на другие пласты вовсе. В таких формах от читателя требуется не столько озвучивание и произнесение ритма, сколько эмоциональное приятие смысла каждого фрагмента стиха, ибо все фрагменты нанизаны на общий единый для всего стихотворения логический вектор содержащегося в стихотворении сообщения. Рифмы, в начале обильные, могут под конец просто исчезать, оставляя за собой звук. Как то вот так:

Все, что осталось от **меня**
Кончается. И не надолго **хватит**.
Еще два **дня**.
Ну может быть **неделю**.
Беда одета в старенькое **платье**.
Ты в нем беременной носила наших **деток**.
В **похмелье**
Жизнь наряжена все в **то же**,
Что на **пиру**.
К **утру**
В глазах **тоска**.
И я, **ничтожный**,
Без тленья прогораю в этом **взгляде**.

Еще **броска**
Четыре или пять **осталось**
Раненному **телу**.
Как эффективно наступает небытие.

То малость, -
 Но в твоей тетради
 Нет места более для нас.

Я подведен к пределу.
 Остался час.
 Спустя его уйдешь и я погасну.

Авторам, пишущим в джаз-форме, я рекомендую озвучивать свои стихи, а не только печатать слова (как бы как ноты). Надо принять, что так же, как и с музыкой, «джаз-поэзия» нуждается в исполнении. Я часто сталкивался с непониманием, когда люди читали с листа, не услышав исполнения, и, как следствие, – с отрицанием и самой поэзии внутри «джаз-формы»

2. Признаки формы джаз-поэзии

Так же, как и в традиционном музыкальном джазе, в стихотворном, всегда есть внутреннее непрерывное напряжение. Здесь и тема, и смысл обрамлены звуком, проходящим насквозь. Смысловое напряжение, смысловая дорога должны присутствовать, как грифель внутри карандаша, где грифель - причина для существования, а деревянный корпус только опора, только несущая конструкция. Рассмотрим компоненты этой несущей конструкции поближе.

а) Рифмы

Данные в явном виде рифмы являются сильнейшими музыкальными связками, они определяют текущий ритм, если нужно, могут его поменять на другой, сбить размер, если надо или добавить паузу.

Рифма используется в качестве традиционного музыкального фрагмента, и она может состоять из нескольких звуков, причем эти звуки могут приходиться из смежных фраз, и даже из разных мест стихотворения. Например, в «Блюзе с дождем» ниже, «От нее» вместе с «Не устает» звучит вместе в рифму с «Один, вдвоем». Но полностью слышна рифма только в контексте. В джазовом стихе, необходимость рифмы обусловлена общей мелодикой стиха, его внутренним ритмом, и вовсе не

обязательно должна встречаться через регулярные интервалы строчек и, ударных безударных слогов, как в силлаботонике.

Зачастую рифма проходит через несколько метаморфоз, так что начальное и конечное слова, строго говоря, уже вовсе и не рифмы – тем не менее, они звучат как один аккорд. Одна гармония. Например, в блюзе, приведенном ниже, рифмы между словами «**строка**» и «**вальс**» в силлаботоническом ее каноне, строго говоря нет. Тем не менее посмотрим на мутацию всего ряда:

«**строка**» → «**тоска**» → «**рассказ**» → «**ваз**» → «**вальс**»

Как видим, рифма есть только между словами каждой пары, а, всё вместе выдыхает гармоничный и джазовый мотив. Но бывает и так (не в примере внизу), что рифма не нужна вовсе, ибо только струна смыслового напряжения определяет ее необходимость.

Блюз с дождем

Есть **грусть**.
Но нету формы для **нее**.
Я **научусь**
Веселью **днем**.
Лишь он закончит серый **круг**
Начнусь
Из **рук**
Из **детских слов**
Еще не радость - запах, **миг**
Рванусь
Из **них**
Из **голосов**.
Есть **грусть**.
И память от **нее**
Не **устаёт** -
Один, **вдвоем**.
Строка - **ручьи**.
Опять **тоска**.
Опять **ничьи**
Глаза - **рассказ**,
Цветы, не знающие **ваз**.
Три штуки,

Как размер на вальс -
 Оркестр - дождь
 На сцене луж.
 И кружит
 Лист, чернила, тушь,
 Бумаги нож.
 Тоска.
 И мокрый запах влет.
 Пускай!
 Поет
 Луч-саксофон и соло-свет.
 Сон туч,
 Ветвь.

б) Мутации и вариации темы.

Тема «джаз-стиха» часто может начинаться с простого мотива. С чего-то очень очевидного. Постепенно нарастая до уровня нужного, чтобы захватить и описать, чтобы соответствовать реальности эмоции, чувств и ситуации, о которых идет речь. Эволюция темы внутри «джаз-стиха» видна в появлении объемности содержания. Так же, как и в джаз мелодии, где тема флуктуирует, проходя нитью, мотивом через все произведение, в стихотворном варианте смысловое сообщение будет обрастать разными слоями по мере того, как музыка слов и рифм будет наращивать эмоцию.

Джаз-поэзия позволяет вариации (импровизации), как и привычный музыкальный джаз. Главное, в традиционном музыкальном джазе - это эмоциональная точность. Если вариация сохраняет общую эмоцию, то она приветствуется. В поэтическом варианте джаз-поэзии также важна эта точность смысловая, событийная, содержательная точность. Если вариация меняет слово или предложение с одного на другое без разрушения, то она возможна. Особенно если импровизация дополняет содержание. Конкретное слово - это всего лишь инструмент и не более – мозаика словосочетаний плюс внутренняя музыка выводят на некий следующий уровень смысла, туда, где открываются его новые пласты. Хорошие вариации делать сложно – можно легко разломать. Поэтому отношение к точному слову в джаз-стихе, конечно же, не менее

требовательное, чем в традиционном, рифмованном стихотворении.

Никуда уж не **деться**.
Нам до осени шаг или **два**.
Нам остались **слова**,
Чтоб заполнить **наследство**
Невстречи.
Чтоб суметь **пренебречь**
Притяженьем объятья за **плечи**
И, как **средством**,
Которое **лечит**,
Заполнить **провал**.
Чтобы **насочинять**
Сто **начал**
И развитий **сюжета**,
Начиная с **конца**.
Нам остались **слова**,
Чтобы их **промолчать**,
Чтоб дождаться **ответа**,
Чтобы скрыть,
Проступившую краску **лица**.

в) Ритм и размер

Очень часто джаз-стих начинается в одной форме, потом переходит в другую и заканчивается, например, просто белым стихом. Это нормально. До тех пор, пока замены ритма и нерегулярность размера оправданы необходимостью как можно лучше донести смысловое содержание до читателя – слушателя. Это и есть главная причина многомерности внутри одного стихотворения.

Уйдя от ограничений любой регулярной поэтической формы, «джаз-форма» может быть оправдана только легкостью и ясностью смысла, сохраняя при этом многослойность, многовариантность содержания, которое она доносит. Доносит легко. На волне музыки. Даже внутренние рифмы участвуют в размере – при этом звучит всё, а не только концы строк, как это часто бывает в регулярных размерах.

Незнакомка

Как-то в метро пишу стихи.
Напротив девочка,
Мороженное лижет.
Легки
Движенья языка.
А книжек
Не надо ей -
Она сама строка.
А ленточка,
Повязанная ниже
Кричащей блузки! А рука!
Не та,
Что держит вафельный стакан
Повыше,
И пока
Недвижна.
Но та,
Что пальцами играет на бедре,
Что лишь в календаре
"Японского варианта"
Встречается раз в-дцать страниц,
И лиц
Кантата
Уже неслышима
Из-за нее. Тем более, что вышивка
Рисунка
Приводит взгляд туда, Где юбка
Кончается внезапно... Дальше - сумка,
Стоит,
Зажатая ногами.
И капля "Крем-брюле",
Попавшая на край
Блестит.
Напоминая мне,
Что месяц май,
Там, над домами,
Посреди ветров,
И не остыл
В жуков жужжанье.
Одно желанье -
Выйти из метро.
И никогда не сочинить ни строчки.

3. Почему и зачем?

Общее нарастание энтропии в современном мире давит на традиционные стены регулярных поэтических форм. Силлаботоника в русском языке живет середины 18-го века и до сих любимица поэтов. Почему это так, когда, например, в английском языке силлаботоника давно подвинулась с ведущих позиций? Это отдельная тема для исследования: отмечу только, что традиционные ритмы не устарели, – просто они становятся все более ограниченными по мере развития общества. Содержание стихов усложняется и все чаще не хочет подчиняться размерам силлаботоники. Пока речь шла, в основном, об искусстве поэзии – силлаботоника работала отлично. В наше ускорившееся время искусство, как таковое, уже не так важно по сравнению с точностью и лаконичностью содержания. Всякий профессиональный поэт может писать в любом стиле и на любую тему. Закончился сдвиг того, что важно - от формы в суть. Искусство поэзии не столько в форме вокруг смыслового сообщения, а больше гораздо в их слиянии в одну единую гармоничную субстанцию стиха, которая имеет поэтическую форму максимально подходящую для доносимой сути.

Только простейшие гармонии вселенной подчиняются регулярности. Остальное большинство - более сложно. Так что, в какой-то момент уже невозможно мыслить в рамках строгих форм, когда слушаешь космос. Джаз-поэзия это инструмент, позволяющий более точно передать значение божественного Слова, Слова, выловленного из потока, к которому поэту удалось подключиться и подслушать.

Но если силлаботоника соответствует – то, конечно, надо ее использовать. Тогда незачем уходить в джаз. Инструменты выбираются под задачу.

Стихи

Должны быть просто музыка и тема.
Все остальное – дело ремесла.
И ручка – рукоятка от весла.
Под ним бумаги рвущаяся пена.
Гармония оттачивает боль
И боль рубцуется - и это все что было.
И время, повернувшееся вдоль,
Захвачено. Застыло.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания о Сказке

А, в общем-то ничего и не было, кроме любви	7
Я сегодня опять гулял по облаку	8
И мы будем с умным видом говорить пустые слова	9
Я подслушаю мотив о счастье и смерти	10
У меня оторвали часть меня.	11
Ни к чему и пытаться	12
Казнь	14
Джазовое адажио	15
Ты мне просто вот так надиктована Богом	16
Давай вернемся в ноябрь.	18
Занавес	19
Мы прорастём из этих слёз.	20
Судьба нас исполняет, словно ноты	22
Это только время сумеет поставить точку	23
Ну разве можно поставить ценник на твои слезы?	25
Какие мелкие слова.	26
Итак у нас почти получилось	27
Я не могу пройти через слова	28
Мы подошли к черте и расцепили руки.	29
Я, как пена волны. Разбиваюсь на брызги в приборе	30
Мне уже не подняться с колен.	31
Письмо в прошедшее будущее	32
Приглашение	35
Кто ты - тень в моей памяти?	36
И когда я буду потом судим	37

На втором круге

Кажется, жизнь пошла по второму кругу	41
Осенние стансы	42
Отъезд	47
Здравствуй, Время - Медведь.	48
Пойми, смерти нет. А есть что-то другое	50
Я иду по узкому гребню.	51
Весенняя открытка	52
Миттельшпиль	54
Аляскинские стансы	58
Юг Франции	60
Вместо поздравления	62
Письмо другу	64
Дон Хуан	65
Полнолуние	66
Моисей 1. Если мерить любовь	67
Моисей 2. Я смотрю на холмы. На линию пляжа	68
В тени камней	70
К сыну 1. Мой голос слаб	73
2. Это любовь, когда мне не безразлично	74
Я прохожу науку «разлюбить».	75
Велосипед	76
Ботаника	78
Монтерей	80
Памятник	83
Манифест Джаз-Поэзии	87

СПАСИБО!

Мне повезло быть близко знакомым с Аллой Виксне и Павлом Тайбером, искусство живописи которых так украсило эту книгу.

Так же специальное спасибо папе Пете и Санечке, за редактирование, критику, терпение и любовь.

Автор.

316.10
ISBN 978-1-4675-9894-1
21610>

9 781467 598941